

84/2Poc=Pyc)6

Г 71

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

№ 27.

М. Горькій.

КАИНЪ И АРТЕМЪ.

Цена 6 коп.

Изданіе
товарищества

„ЗНАНІЕ“.

1906.

Контора т-ва:
Сиб., Невскій, 92.

Цѣна

1. М. Горькій. Пѣсня о соколѣ. — Пѣсня
о буревѣстникѣ. — Легенда о Марко... . 2 к.
2. М. Горькій. Человѣкъ. 2 „
3. М. Горькій. Макарь Чудра. 3 „
4. М. Горькій. О Чижѣ, который агалъ, и о Дятлѣ,
любитель истинны. 2 „
5. М. Горькій. Емельянь Пилый. 3 „
6. М. Горькій. Дѣдъ Архипъ и Денъка. 5 „
7. М. Горькій. Чсакашъ. 7 „
8. М. Горькій. Старуха Изергиль. 5 „
9. М. Горькій. Однажды осенью. 3 „
10. М. Горькій. Мой спутникъ. 6 „
11. М. Горькій. Дѣло съ застѣжками. 3 „
12. М. Горькій. На плотахъ. 3 „
13. М. Горькій. Божокъ. 2 „

. 10 „
. 10 „
. 2 „
. 12 „
. 12 „
. 5 „
. —
. 4 „
. 3 „
. 10 „
. 3 „
. 3 „
. 5 „
. 6 „
. 4 „
. 7 „
. 3 „
. 5 „
. 5 „

КАИНЪ И АРТЕМЪ.

Каинъ былъ маленькій, юркій еврей, съ острой головой, съ желтымъ худымъ лицомъ; на скулахъ и подбородкѣ у него росли кустики рыжихъ жесткихъ волосъ, и лицо смотрѣло изъ нихъ, точно изъ старой, растрепанной плюшевой рамки, верхней частью которой служилъ козырекъ грязнаго картуза.

Изъ-подъ козырька и рыжихъ, точно выщипанныхъ, бровей сверкали маленькіе сѣрые глазки. Они очень рѣдко останавливались подолгу на одномъ предметѣ, но всегда быстро бѣгали изъ стороны въ сторону и всюду сѣяли улыбки—робкія, заискивающія, лстивыя.

Каждый, кто видѣлъ эти улыбки, сразу понималъ, что основное чувство человѣка, который такъ улыбается—боязнь за все и предъ всѣми, боязнь, черезъ секунду готовая повыситься до ужаса. И поэтому каждый, если ему было не лѣнь, усиливалъ злыми насмѣшками и щелчками это всегда напряженное чувство еврея, пропитавшее собою не только его нервы, но, казалось, и складки парусиновой одежды, которая, облекая отъ плечъ до пятъ его костлявое тѣло, тоже вѣчно трепетала.

Имя еврея было Хаимъ Ааронъ Пурвицъ, но его звали Каинъ. Это проще, чѣмъ Хаимъ, это имя болѣе знакомо людямъ и въ немъ есть много оскорбительнаго.

М. Горькій. Каинъ и Артемъ

Отдел
книгоцентра
В.И. Белова

МУК «Централизованная
библиотечная система»
г. Вологда

Хотя оно и не шло къ маленькой, испуганной и слабо-сильной фигуркѣ, но всѣмъ казалось, что оно вполне точно рисуетъ тѣло и душу еврея и въ то же время обижаетъ его.

Онъ жилъ среди людей, обиженныхъ судьбой, а для нихъ всегда пріятно обидѣть ближняго и они умѣютъ дѣлать это, ибо пока только такъ они могутъ метить за себя. А обижать Каина было легко: когда надъ нимъ издѣвались, онъ только виновато улыбался, а порой даже самъ помогалъ смѣяться надъ собой, какъ бы платя впередъ своимъ обидчикамъ за право существовать среди нихъ.

Жилъ онъ торговлей, конечно. Онъ ходилъ по улицамъ съ деревяннымъ ящикомъ на груди и сладенькимъ, тонкимъ голосомъ кричалъ:

— Вак-ша! Спичкэ! Булавкэ! Шпилькэ! Голантегей-наго това-гу! Разный мьелкій това-гу!

Еще одна характерная черта — уши у него были большія, оттопыренные и они постоянно прядали, какъ у пугливой лошади.

Торговалъ онъ на Шиханѣ, въ мѣстности, гдѣ отложилась городская голь и рвань—разные „забракованные люди“. Шиханъ представляетъ собою узкую улицу, застроенную старыми, угрюмыми, высокими домами; въ нихъ помѣщались ночлежники, трактиры, хлѣбопекарни, лавки съ бакалеей, старымъ желѣзомъ и разной рухлядью;—ихъ населяли воры и пріемщики краденаго, мелкіе торгаши и торговки съѣстнымъ. Въ этой улицѣ всегда было много тѣни отъ высокихъ домовъ, много грязи и пьяныхъ; лѣтомъ въ ней всегда стоялъ густой запахъ гніенія и перегорѣлой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи ея грязью, только раннимъ утромъ осторожно и не надолго заглядывало въ эту улицу.

Она расположилась по склону горы, недалеко отъ берега большой рѣки, и постоянно была полна судо-

7

рабочими, матросами съ параходовъ, крючниками. Они тутъ пьянствовали и наслаждались по-своему, и тутъ же, въ укромныхъ уголкахъ, воры дожидались ихъ опьянѣнія. Около тротуаровъ улицы стояли корчаги торговыхъ пельменями, лотки пирожниковъ и торговцевъ печенкой. Толпы рабочаго люда съ рѣки жадно пожирали горячую пищу, пьяные дико пѣли пѣсни и ругались, продавцы звонко зазывали покупателей, хваля свои товары; грохотали телѣги, съ трудомъ пробираясь сквозь группы людей, толпившихся въ улицѣ, покупающихъ или продающихъ, въ ожиданіи работы или удачи. Хаосъ звуковъ вихремъ носился въ узкой, какъ канава, улицѣ, разбиваясь о грязныя стѣны ея зданій, словно изъязвленные, потому что штукатурка ихъ выкрошилась.

Въ этой канавѣ, полной кипящей грязи, полной оглушающаго шума и циничныхъ рѣчей, всегда шныряли и возились дѣти, — дѣти всѣхъ возрастовъ, но одинаково грязныя, голодныя и развращенныя. Они бѣгали тутъ съ утра до вечера, существуя на счетъ доброты торговыхъ и ловкости своихъ маленькихъ рукъ, а ночью спали гдѣ-нибудь въ сторонѣ — подъ воротами, подъ ларемъ пирожника, въ углубленіи подвального окна. Съ разсвѣтомъ эти тощія жертвы рахитизма и скрофулеза уже были на ногахъ, чтобы снова воровать вкусные и цѣнные куски пищи и выпрашивать негодные для продажи. Чьи это были дѣти? Всѣхъ... Вотъ въ этой улицѣ изо дня въ день и бродилъ Каинъ, выкрикивая свои товары и продавая ихъ женщинамъ улицы. Онѣ занимали у него на нѣсколько часовъ двугривенный съ обязательствомъ уплатить двадцать двѣ копейки и всегда аккуратно платили. Вообще, у Каина были въ улицѣ большія дѣла: онъ покупалъ у загулявшихъ рабочихъ рубахи, картузы, сапоги и гармоники, у жещипъ — юбки, кофты, гроше, выя украшенія, потомъ промѣнивалъ эти вещи или

продавалъ ихъ съ гривенникомъ барыша. И ежечасно подвергался насмѣшкамъ, побоямъ, а иногда его даже обирали. Онъ не жаловался на все это, а лишь улыбался своими трагически-кроткими улыбками.

Бывало, захваченный въ одномъ изъ темныхъ угловъ улицы двумя-тремя молодцами, доведенными голодомъ или похмѣльемъ до готовности хоть на убійство, еврей, сбитый на землю кулакомъ или ужасомъ, сидѣлъ у ногъ своихъ грабителей и, трепещущій, судорожно роясь въ карманахъ, умолялъ ихъ:

— Господа-а! Добрые господа! Не берите всѣхъ... Какъ я буду торговать?

И худое лицо его все дрожало отъ безчисленныхъ улыбокъ.

— Ну, не пищи! Давай только тридцать копеекъ...

Эти „добрые господа“ хорошо понимали, что не слѣдуетъ вырывать у коровы все вымя для того, чтобъ достать молоко.

Случалось, онъ вставалъ съ земли и шелъ рядомъ съ ними по улицѣ, балагурия и улыбаясь; они тоже снисходительно разговаривали и посмѣивались надъ нимъ и всѣ держали себя просто и открыто. Каинъ же послѣ такого событія казался еще болѣе худымъ и— только.

Съ кагаломъ онъ, должно быть, жилъ не въ ладу. Очень рѣдко видѣли его рядомъ съ единовѣрцемъ, и всегда было замѣтно, что единовѣрецъ относится къ Каину свысока и презрительно. Былъ въ улицѣ слухъ, будто бы на Каина наложенъ „херемъ“, и одно время уличныя торговли называли его проклятымъ.

Едва ли это было вѣрно, хотя за Каиномъ и водились несомнѣнные признаки еретичества—онъ не соблюдалъ субботъ и употреблялъ въ пищу „кошерное“ мясо. Къ нему приставали, прося и требуя объяснить, какъ онъ смѣлъ ѣсть то, что запрещено его вѣрой?— Онъ сжимался въ комокъ, улыбался и отшучивался

или убѣгалъ, никогда ничего не рассказывая о вѣрѣ и обычаяхъ евреевъ.

Даже несчастныя дѣтишки этой улицы преслѣдовали его, бросая ему въ ящикъ и спину комья грязи, корки арбузовъ и всякую дрянъ. Онъ старался остановить ихъ ласковыми словами, но чаще убѣгалъ отъ нихъ въ толпу, куда они не шли за нимъ, боясь, что тамъ ихъ растопчутъ.

Такъ день за днемъ жилъ Кантъ, всѣмъ знакомый и всѣми гонимый,—торговалъ, дрожалъ отъ страха и улыбался; и вотъ однажды судьба тоже улыбнулась ему...

* *
*

Въ каждомъ уголкѣ жизни есть свой деспотъ. На Шиханъ эту роль игралъ красавецъ Артемъ, колоссальный дѣтина съ правильно-круглой головой въ густой шапкѣ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Эти мягкіе волосы причудливыми кольцами сыпались ему на лобъ, спускаясь до прелестныхъ бархатныхъ бровей и огромныхъ карихъ глазъ, продолговатыхъ и всегда подернутыхъ какой-то маслянистой влагой. Носъ у него былъ, прямой, антично-правильный, губы красныя, сочныя, прикрытыя большими черными усами; все его круглое чистое и смугловатое лицо было на диво правильно и красиво, а эти глаза, подернутые туманомъ, очень шли къ нему, какъ бы дополняя и объясняя его красоту. Широкогрудый, высокій и стройный, всегда съ безсознательно довольной улыбкой на губахъ, онъ былъ на Шиханъ грозой мужчинъ и радостью женщинъ. Большую часть дня онъ проводилъ лежа гдѣ-нибудь на солнечномъ припекѣ, массивный, лѣнивый, впивающій воздухъ и солнечный свѣтъ медленными вздохами, отъ которыхъ его могучая грудь вздымалась высоко и ровно.

Ему было лѣтъ двадцать пять. Года три тому назадъ онъ явился въ городъ съ артелью крючниковъ

промзинцевъ *) и послѣ навигаціи остался зимовать, понявъ, что можетъ и не работая пріятно жить на средства своей силы и красоты. И вотъ съ той поры онъ превратился изъ деревенскаго парня и крючника въ любимца торговкохъ пельменями, лавочницъ и иныхъ женщинъ Шихана. Этотъ родъ занятій позволялъ ему имѣть пищу, водку и табакъ всегда, когда онъ желалъ; больше онъ ничего не умѣлъ желать и—такъ жилъ.

Женщины ругались изъ-за него, дрались, на замужнихъ сплетничали мужьямъ, мужья и возлюбленные жестоко били ихъ,—Артемъ былъ равнодушенъ ко всему этому, онъ грѣлся на солнцѣ, потягиваясь какъ котъ, и ждалъ, когда въ немъ зародится одно изъ немногихъ доступныхъ ему желаній.

Обыкновенно онъ лежалъ на горѣ, въ которую упиралась улица. Тутъ прямо предъ собой онъ видѣлъ рѣку, за ней, вплоть до горизонта, широко разстилались луга, кое-гдѣ на ихъ ровномъ зеленомъ коврѣ лежали сѣрыя пятна—это деревни. Тамъ—всегда тихо, ясно, зелено... А повернувъ голову влѣво, онъ видѣлъ свою улицу отъ начала до конца, въ ней кипѣла шумная жизнь; всматриваясь въ ея темную суету, онъ различалъ фигуры знакомыхъ людей, слышалъ голодный ревъ улицы и, можетъ быть, думалъ о чемъ-нибудь. Вокругъ него, по горѣ, росъ густой бурьянъ, торчали одиноко чахлыя березы, обломанные кусты бузины,—тутъ золоторотцы переживали похмѣлье и играли въ карты, чинили платье или отдыхали отъ работы и дракъ.

Среди нихъ Артемъ былъ на дурномъ счету. Онъ былъ неодолимо силенъ и часто озорничалъ, а потомъ, очень ужъ легко онъ добывалъ свой хлѣбъ. Это возбу-

*) Промзино—село Симбирской губ., откуда выходить на Волгу лучшіе т. е. сильнѣйшіе крючники

ждало зависть; и къ тому же онъ рѣдко дѣлился съ кѣмъ-либо своей добычей. Вообще, товарищескія чувства въ немъ были не развиты и онъ не тяготѣлъ къ общенію съ людьми! Если къ нему приходили и начинали говорить съ нимъ, онъ отвѣчалъ охотно, но самъ не начиналъ разговора; если у него просили денегъ на похмѣлье—онъ давалъ, но по собственному почину никогда не угощалъ знакомыхъ. А среди нихъ вошло въ обычай каждую добытую копейку пропивать и проѣдать въ компаніи.

Сюда, въ кусты, къ Артему являлись посланники любви—въ видѣ оборванной и чумазой дѣвочки изъ улицы или такого же чумазаго мальчика. Это очень юные люди, лѣтъ семи-восьми, рѣдко—десяти, но они всегда проникнуты сознаніемъ глубокой важности возложеннаго на нихъ порученія, говорятъ они вполголоса и всегда на ихъ рожицахъ мина таинственности...

— Дяденька Артемъ, тётка Марья велѣла тебѣ сказать, что мужъ-то у нея уѣхалъ, такъ чтобы ты сегодня нанялъ лодку, да въ луга бы съ ней поѣхалъ...

— Та-акъ,—лѣниво тянетъ Артемъ, и его красивые глаза мутно улыбаются.

— Непремѣнно, чтобы...

— Могу... А... вотъ что... это—какая она, тётка-то Марья?

— Лавочница, чай,—укоризненно говорить посланецъ.

— Лавочница... н-да? Это—которая рядомъ съ желѣзной лавкой?

— Чай, рядомъ-то съ желѣзной лавкой Анисья Николаевна... что ужъ!

— Ну-ну, я, братъ, вѣдь знаю... Я вѣдь это такъ... Для шутки говорю!.. будто позабылъ... а вѣдь я Марью знаю.

Но посланецъ не увѣренъ въ этомъ, онъ хочетъ хорошо исполнить свое порученіе и действительно объясняетъ Артему:

— Марья—это которая маленькая, румяная, рядомъ съ рыбой...

— Ну-ну!.. которая рядомъ съ рыбой. Вотъ! Чудашка ты!.. вѣдь я развѣ спутаю? Ладно, скажи ей, Марья—ѣду. Ѣдетъ молтъ. Иди!

Тогда посланецъ корчитъ сладчайшую рожу и тянетъ:

— Дяденька Артемъ, дай копеечку!

— Копеечку? А коли пѣту ея?—говорить Артемъ засовывая обѣ руки разомъ въ карманы своихъ шароваръ. И всегда находитъ какую—нибудь монету. Радостно усмѣхаясь, посланецъ мчится возвѣстить влюбленной печеночницѣ обѣ исполненномъ порученіи и съ нея тоже получить награду. Онъ знаетъ цѣну денегъ и нуждается въ нихъ не только потому, что голоденъ, но и потому, что онъ куритъ папиросы, пьетъ водку и имѣетъ свои маленькія сердечныя дѣла. На другой день послѣ такой сценки Артемъ еще болѣе чѣмъ всегда недоступенъ впечатлѣніямъ бытія и еще болѣе красивъ своей рѣдкой красотой могучаго, но смирнаго животнаго. Такъ тянулось это сытое, почти безсознательное существованіе, спокойное, несмотря на многое множество ревнивцевъ, ревнивицъ и завистниковъ, спокойное потому, что оно охранялось страшной силой Артемова кулака.

Но иногда въ карихъ глазахъ красавца сгущалось что-то грозное, темное; его бархатныя брови сурово сдвигались, и смуглый лобъ разрывала глубокая морщина. Онъ вставалъ и шелъ изъ своего логовища въ улицу, и чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ея суетѣ, тѣмъ болѣе округлялись зрачки его глазъ и чаще вздрагивали тонкія ноздри. На лѣвомъ плечѣ у него виситъ желтая куртка изъ крестьянскаго сукна, правое покрыто рубахой и сквозь нее видно, какое это могучее плечо. Сапогъ онъ не любилъ и ходилъ всегда въ лаптяхъ; бѣлыя онучи, красиво перекрещенныя оборами

рельефно обрисовывали икры его ногъ. Шелъ онъ медленно, какъ большая грозовая туча...

Улица знаетъ его повадки и уже по лицу видить, чего ей можно ждать отъ него. Раздается предупредяющій шопотъ:

— Артемъ идетъ!..

И красавцу торопливо очищаютъ дорогу, отодвигая въ сторону лотки съ товарами, котлы и корчаги съ горячимъ, заискивающе улыбаются ему, кланяются... и всѣ его боятся. Онъ же идетъ среди этихъ знаковъ вниманія къ нему и боязни предъ его силой, идетъ угрюмый, молчаливый и уже дико-прекрасный, какъ большой звѣрь.

Вотъ его нога задѣваетъ за лотокъ съ рубцомъ, печенкой, легкимъ—и все это летитъ на грязную мостовую. Торговецъ отчаянно вскрикиваетъ и ругается.

— А ты что стоишь на дорогѣ?—спокойно, но зловъѣще спрашиваетъ Артемъ.

— Какая тебѣ, быку, тутъ дорога?—воетъ торговецъ.

— А ежели я тутъ хочу идти?

Подъ скулами Артема вздуваются большіе желваки, и глаза у него — какъ раскаленные до-красна гвозди. Торговецъ видитъ это и бормочетъ:

— Узка тебѣ улица-то...

Артемъ медленно двигается дальше. Торговецъ идетъ въ трактиръ, беретъ тамъ кипятку, моетъ въ немъ свой товаръ и черезъ пять минутъ снова кричитъ на всю улицу:

— Пичонка, лехко, сердце горяче! Матрось! Иди на почипѣ—языкъ за пятакъ отрѣжу! Тѣтка, купи горло! Кому пужно сердце горяче? Пичонка, лехко!

Волнуется гулъ голосовъ и тяжелый запахъ гнили, водки, пота, рыбы, дегтя, луку.

Люди расхаживаютъ по мостовой, мѣшая двигаться лошадямъ, кричатъ, торгуются, смѣются. Высоко надъ ними—голубая лента неба, мутная отъ пыли и грязи,

поднятой на воздухъ этой улицей, въ которой даже тѣни отъ домовъ кажутся сырыми и пропитанными грязью...

— Голантегейнаго товаг-у! Ниткэ! Иголкэ:—возглашаетъ Каинъ, слѣдя за Артемомъ, страшнымъ для него болѣе, чѣмъ для другихъ.

— Пирогѣ со грушай, покупай, да кушай!—звонко заливается молодая пирожница.

— Луку, зеленаго луку-у!..—вторить ей другая.

— Ква-асъ! Ква-асъ!—сипло квакаетъ низенькій и толстый старикъ съ краснымъ лицомъ, сидя въ тѣни кадки своего товара.

А человѣкъ, извѣстный въ улицѣ подъ страннымъ прозвищемъ Дранаго Жениха, продаетъ какому-то судорабочему грязную, но крѣпкую рубаху со своего плеча и убѣдительно кричитъ ему:

— Ду-убина! Гдѣ ты купишь за двугривенный такую парадную вещь? Въѣдь въ такой рубахѣ купчиху сватать можно! Съ милліонами... чо-ортъ!

Вдругъ сквозь общій дикій, но гармоничный ревъ и вой прорѣзывается звенящая нота дѣтскаго голоса:

— Подай-те, Хри-ста ра-ди, копе-ечку... си-ро-тѣди-покому... ни отца нѣту, ни матери...

Странно и чуждо всему звучитъ въ этой улицѣ имя Христа!

— Артюша! Поди-ка сюда! — ласково восклицаетъ бойкая солдатка Дарья Громова, торгующая пельменями.—Гдѣ ты пропадаешь? что насъ забываешь?

— Много продала?—спокойно спрашиваетъ Артемъ и легкимъ толчкомъ ноги опрокидываетъ ея товаръ. Пельмени, желтые и скользкіе, ползутъ по камнямъ мостовой и отъ нихъ идетъ паръ, а Дарья, готовая драться, яростно кричитъ:

— Безстыжіе твои зенки! Гра-абитель! Какъ тебя земля-то носитъ, верблюды ты астраханскій!

Надъ ней хохочутъ—все знаютъ, что она проститъ это Артему.

А опъ все такъ же медленно двигается дальше, толкая всѣхъ, налѣзая на людей грудью, наступая имъ на ноги. И впереди него быстро, какъ змѣя, ползетъ предостерегающій шопотъ:

— Артемъ идетъ!

Въ этихъ двухъ словахъ даже тотъ, кто впервые слышитъ ихъ, чувствуетъ угрозу себѣ и уступаетъ Артему дорогу, поглядывая на мощную фигуру красавца съ любопытствомъ и осторожностью.

Вотъ Артемъ встрѣчаетъ одного изъ знакомыхъ босяковъ. Они здороваются, и Артемъ такъ сжимаетъ своей желѣзной лапой руку знакомаго что тотъ кричитъ отъ боли и ругается. Тогда Артемъ сжимаетъ ему пальцами плечо или какъ-нибудь иначе причиняетъ ему боль и молча, спокойно наблюдаетъ, какъ человѣкъ стонетъ и охаетъ подъ его рукой, задыхается отъ боли и шепчетъ:

— Пусти, палачъ!.. проклятый!..

Но палачъ неумолимъ, какъ судья.

Канниъ тоже нерѣдко пспалачъ въ жестокия руки Артема, который игралъ имъ, какъ любопытный ребенокъ букашкой.

Это своеобразное и непонятное поведеніе силача называлось на Шиханѣ „Артюшкинъ выходъ“. Оно создавало ему массу враговъ, но они не могли сломить его чудовищной силы, хотя и пробовали. Такъ однажды подобрались семеро здоровыхъ молодцовъ, одобренные всей улицей, они рѣшили поучить и усмирить Артема. Двое изъ нихъ очень дорого заплатили за эту попытку, остальные отдѣлались легко. Другой разъ лавочкики—оскорбленные мужья—порядили знаменитаго городского силача-мясника, не разъ выходившаго побѣдителемъ изъ борьбы съ атлетами-циркистами. Мясникъ взялся за крупное вознагражденіе избить Артема до полусмерти. Ихъ свели, и Артемъ, никогда не отказывавшійся драться „по охотѣ“, вышибъ мясник уруку изъ

ключицы и ударомъ „подъ душу“ уложилъ его на мѣстѣ безъ сознанія. Эти факты еще выше подняли престижъ Артемовой силы и, конечно, еще болѣе создали ему враговъ.

А онъ попрежнему продолжалъ свои „выходы“, сокрушая все и всѣхъ на своемъ пути. Какія чувства выражалъ онъ такъ? Быть можетъ, это была мечь городу и порядкамъ его жизни со стороны человѣка полей и лѣсовъ, оторвавшагося отъ своей почвы; быть можетъ, онъ смутно чувствовалъ, какъ городъ губить его, заражая своимъ ядомъ его тѣло и душу, и, чувствуя это, онъ такъ боролся съ роковой силой, порабоцавшей его. Его „выходы“ заканчивались иногда въ участкѣ, гдѣ полиція относилась къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ людямъ изъ Шихана, удивляясь его баснословной силѣ, забавляясь ею и зная, что онъ—не воръ и не способенъ быть воромъ—глупъ для этого. Но чаще послѣ „выхода“ Артемъ шелъ въ какой-нибудь притонъ, и тамъ его брала на свое попеченіе одна изъ женщинъ, влюбленныхъ въ него. Послѣ своихъ подвиговъ онъ былъ мраченъ и капризенъ, въ глазахъ у него сгушалось что-то дикое и неподвижностью своей фizioноміи онъ походилъ на идиота. Какая-нибудь промасленная до мозга костей торговка, ядреная баба бальзаковского возраста, ухаживала за нимъ съ видомъ собственницы этого звѣря и съ чувствомъ страха предъ нимъ.

— Можетъ, пивка заказать еще пару, Артюша? Али наливочки какой? А покушать ты не желаешь ли чего? И чтой-то ты у меня сегодня такой не удалой...

— Отвяжись!...—глухо говорилъ Артемъ, и она на нѣсколько минутъ переставала суетиться около него, а потомъ снова принималась спаивать красавца, ибо она уже знала, что трезвый Артемъ былъ скупъ на ласки.

И вотъ судьбѣ, частослишкомъ шутливой, угодно было, чтобы этотъ человѣкъ и Каинъ однажды столкнулись.

* * *

Случилось это такъ.

Однажды послѣ „выхода“ и обильной пирушки, сопровождавшей его, Артемъ со своей дамой, пошатываясь, шелъ къ ней въ гости узкимъ и пустыннымъ переулкомъ подгородной слободки. Его ждали тутъ. Нѣсколько человѣкъ бросились на него и тотчасъ же сбили его съ ногъ. Ослабленный виномъ, онъ защищался плохо, и тогда эти люди чуть ли не въ продолженіе цѣлаго часа вымещали на немъ безчисленныя обиды, понесенныя ими отъ него. Спутница Артема убѣжала, ночь была темна, мѣсто пустынно—у нихъ были всѣ удобства для полнаго расчета съ Артемомъ, и они дѣйствовали, не щадя своихъ силъ. А когда, уставшіе, они кончили, на землѣ лежало два неподвижныхъ тѣла, одно—красавца Артема, а другое—человѣка, имя которому было Красный Козель.

Посоветовавшись, что имъ дѣлать съ этими тѣлами, молодцы рѣшили: Артема спрятать подъ старую, разбитую ледоходомъ бѣляцу, лежавшую на берегу рѣки кверху дномъ, а Краснаго Козла, который стоналъ, взять съ собой.

Когда Артема потащили по землѣ къ берегу, онъ очнулся отъ боли, но, догадавшись, что положеніе мертвого теперь для него выгоднѣе, молчалъ, сдерживая боль. Его тащили, ругали и хвастались другъ предъ другомъ ударами, нанесенными силачу Артемъ слышалъ, какъ Мишка Вавиловъ говорилъ товарищамъ, что онъ все поровиль бить Артема пипками подъ лѣвую лопатку, чтобы разорвалось сердце. А Сухоплюевъ рассказывалъ, что онъ билъ все по животу, потому что если испортить человѣку кишки, — ѣда ему не пойдетъ на пользу, и сколько бы онъ ни ѣлъ—силы у него не будетъ. Ломакинъ тоже заявилъ, что онъ два раза вспрыгивалъ ногами на животъ Артему. Такъ же блистательно отличились и всѣ другіе, о чемъ они, хвастаясь, говорили все время, пока не пришли къ бѣлянѣ и не засунули

потъ пее Артема. Онъ слышалъ всѣ ихъ рѣчи и слышать, какъ они, уходя, всѣ единогласно рѣшили, что теперь уже ему, Артему, не встать на ноги.

Вотъ онъ остался одинъ, во тьмѣ, на кучѣ сырого мусора, набросаннаго подъ бѣлянѣ въ половодье волнами рѣки. Ночь была свѣжая, майская, и эта свѣжесть то и дѣло возвращала Артему сознаніе. Но когда онъ пробовалъ сползти къ рѣкѣ, онъ снова падалъ въ обморокъ отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ. И снова приходилъ въ себя, терзаемый болью, томимый страшной жаждой. Рѣка какъ бы дразнила его безсиліе, тихо плескаясь о берегъ гдѣ-то тутъ, близко къ нему. Всю ночь онъ провелъ въ этомъ положеніи, боясь стонать и двигаться.

Но однажды, очнувшись, онъ почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то хорошее, очень облегчившее его боли. Онъ съ трудомъ могъ открыть одинъ глазъ и едва шевелилъ разбитыми, опухшими губами. Былъ день, потому что чрезъ щели барки проникали подъ нее лучи солнца, они создали вокругъ Артема мглу. Потомъ кое-какъ онъ поднялъ руку къ лицу и ощупалъ на немъ мокрыя тряпки. Тряпки же лежали на груди у него и на животѣ. Онъ былъ совершенно раздѣтъ, и холодъ уменьшалъ его муки.

— Пить бы...—выговорилъ онъ, смутно догадываясь, что около него долженъ быть кто-то. Дрожащая рука протянулась черезъ его голову и въ ротъ ему сунули горлышко бутылки. Бутылка плясала въ рукъ подававшего ее и била Артема по зубамъ. Выпивъ воды, Артемъ захотѣлъ узнать, кто тутъ около него, но попытка повернуть голову не удалась ему, вызвавъ боль въ шеѣ. Тогда, хрипя и заикаясь, онъ началъ говорить:

— Водки.. въ нутро бы стаканъ... И снаружи вытереть... Тогда бы я.. всталъ, чай...

— Вста-ать? Вы не можете встать. Вы же весь спій и пухлый, какъ утопленникъ.. А водка—это можно, водка есть... я имѣю цѣлую бутылку водки...

Говорили тихо, робко и очень быстро. Артемъ зналъ этотъ голосъ, но не помнилъ, кому онъ принадлежить, которой изъ женщинъ.

— Давай,—сказалъ онъ.

И опять кто-то, очевидно, избѣгавшій его глазъ, протянулъ ему бутылку сзади черезъ голову. Артемъ, съ усиленіемъ глотая водку, смотрѣлъ однимъ глазомъ въ сырое и черное днище бѣляны, поросшее грибами.

Когда онъ отпилъ болѣе четверти бутылки, онъ вздохнулъ глубоко и облегченно и съ хрипомъ въ груди заговорилъ слабымъ голосомъ, лишеннымъ отъѣнковъ.

— Чисто меня отдѣляли... Но погоди... встану я. Встану... Тогда—держись...

Ему не отвѣчали, но онъ слышалъ шорохъ—точно кто-то отскочилъ отъ него—и затѣмъ стало тихо, только волны плескали, да гдѣ-то далеко пѣли „дубинушку“ и ухали — должно быть, тащили тяжелую вещь. Потомъ пронзительно взвизгнулъ свистокъ парохода, взвизгнулъ, оборвался и черезъ нѣсколько секундъ мрачно загудѣлъ, точно навсегда прощался съ землей... Артемъ долго ждалъ отклика на свои слова, но подъ бѣляной было тихо, и ея тяжелое днище, пропитанное зеленоватой гнилью, висѣло и качалось надъ его головой, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, точно хотѣло съ размаха упасть на него и раздавить его насмерть.

Артему стало жалко себя. Весь онъ вдругъ проникся яснымъ сознаніемъ своей почти дѣтской безпомощности и вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало обидно за себя. Его, такого сильного, такого красиваго, и такъ изувѣчили, обезобразили!.. Слабыми руками онъ началъ ощупывать ссадины и опухоли на лицѣ и груди у себя, а потомъ съ горечью выругался и заплакалъ. Онъ всхлипывалъ, шмыгалъ носомъ, тоскливо ругался, и еле двигая вѣками, выжималъ ими слезы, наполнявшія его глаза.

Онъ, крупный и горячій, лился по его щекамъ, текли ему въ уши... и онъ чувствовалъ, что отъ слезъ внутри его какъ бы что-то прочищается.

— Ладно!.. Погодите!..—бормоталъ онъ сквозь рыданія.

И вдругъ слышалъ, что гдѣ-то близко, и точно передразнивая его,—тоже раздаются заглушаемыя рыданія и шопотъ.

— Кто это? — грозно спросилъ онъ, хотя ему было страшно чего-то.

Ему не отвѣтили на вопросъ.

Тогда, собравъ всѣ силы, Артемъ повернулся па бокъ, звѣремъ зарычалъ отъ боли, приподнялся на локти и увидалъ во мглѣ маленькую фигурку, сжавшуюся въ комокъ у борта бѣяны. Обнявъ свои колѣни длинными и тонкими руками, этотъ человѣкъ прижалъ къ нимъ голову, а его плечи дрожали. Артему показалось, что это подростокъ-парнишка...

— Иди сюда!—сказалъ онъ.

Но тотъ не послушался, продолжая трястись, какъ въ лихорадкѣ. У Артема отъ боли и страха предъ этой фигуркой помутилось въ глазахъ и онъ завывалъ.

— Иди-и!

Въ отвѣтъ ему посыпался цѣлый градъ дрожащихъ, торопливыхъ словъ:

— Что же я вамъ сдѣлалъ худого? За что вы на меня кричите? Развѣ я не вымылъ васъ водой и не напоилъ, и не далъ вамъ водки? Не плакалъ я, когда вы плакали, и не было больно мнѣ, когда вы стопали? О, Богъ мой и Господь мой! Даже и доброе мое только муки несетъ мнѣ! Что я сдѣлалъ худого душѣ вашей или тѣлу вашему? Что могу я сдѣлать вамъ худого—я! я! я!

И оборвавъ свою рѣчь тремя воплями, этотъ человѣкъ замолчалъ, схватился за голову руками и сталъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, сидя на землѣ.

— Каинъ? Это... ахъ ты!

— Ну и что? Это я...

— Ты? Ну-у! Все это—ты тутъ? А-яй! Ты поди сюда, Ну... чужахъ ты.

Артемъ растерялся отъ неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что въ немъ вспыхнула какая-то радость. Онъ засмѣялся даже, когда увидалъ, какъ еврей на четверенькахъ робко ползетъ къ нему, и какъ утѣшенно, боязливо мигаютъ маленькіе глазки на смѣшномъ лицѣ, давно знакомомъ Артему.

— Смѣло иди! Ей-Богу, не трону!—счелъ онъ нужнымъ ободрить еврея.

Каинъ подползъ къ его ногамъ, остановился и сталъ смотрѣть на нихъ съ такой боязливой и просительной улыбкой, точно ждалъ, что онъ растопчутъ его истощенное страхомъ тѣло.

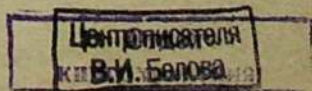
— Ну!.. вотъ такъ ты! И все это ты дѣлалъ? Кто тебя прислалъ—Анѣиса?—допрашивалъ Артемъ, едва ворочая языкомъ.

— Я самъ пришелъ!

— Са-амъ? Врешь!

— Я не вру, не вру!—быстро зашепталъ Каинъ.— Я самъ пришелъ—пожалуйста повѣрьте мнѣ! Я расскажу, какъ я пришелъ. Вотъ слушайте—я узналъ объ этомъ въ Грабиловкѣ... Я пью чай и слышу: Артема ночью забили до-смерти. Я не вѣрю—пхъ! Развѣ можно васъ и забить до-смерти? Я посмѣиваюсь себѣ. О, думаю, глупые люди! Этотъ человѣкъ—какъ Самсонъ, и кто изъ васъ можетъ одолѣть его? Но они все приходятъ и говорятъ: забили, забили! И ругаютъ васъ, и смѣются... Всѣ рады... и я повѣрилъ. И узналъ, что вы—тутъ... Уже приходили сюда смотрѣть на васъ и говорили, что мертвый вы... Я пошелъ и пришелъ и увидѣлъ васъ... вы стонали, когда я стоялъ тутъ. Я думалъ, видя васъ—самого сильнаго человѣка въ свѣтѣ—вотъ убили его!.. такая сила, такая сила. Мнѣ ста-

М. Горькій. Каинъ и Артемъ.

ло, извините меня, жалко васъ! Я подумаль, что пужно омытъ васъ водой... и сдѣлалъ такъ, а вы отъ этого стали оживать... Я обрадовался этому... охъ, какъ я радъ былъ этому... вы не вѣрите мнѣ, да? Потому что—я жидъ? да? Но, нѣтъ, вы повѣрьте... я скажу вамъ, почему я обрадовался и что думаль... я скажу правду... вы не разсердитесь на меня?

— Вотъ-те крестъ!.. убей меня громъ!—съ силой побожился избитый красавецъ.

Каинъ подвинулся еще ближе къ нему и еще понизилъ свой голосъ.

Вы знаете, какъ хорошо мнѣ жить? Вы знаете это, да? Развѣ, извините,—я не терпѣлъ отъ васъ побоевъ? И развѣ вы не смѣялись надъ пархатымъ жидомъ? Что? Это правда? а! Вы извините мнѣ мою правду, вы поклялись. Не сердитесь! Я только говорю, что вы, какъ и всѣ прочіе люди, гоняли жиду... За что, а? Развѣ жидъ не сынъ Бога вашего и не одинъ Богъ далъ душу вамъ и ему?

Каинъ торопился, бросалъ вопросъ за вопросомъ, не ожидая отвѣтовъ на нихъ:—въ немъ вдругъ закотали всѣ тѣ слова, которыми онъ отмѣчалъ въ своемъ сердцѣ нанесенныя ему обиды и оскорбленія; ожили въ немъ всѣ они и вотъ лились изъ его сердца горячимъ каскадомъ. Артему было неловко передъ нимъ.

— Слышь, Каинъ,—глухо сказалъ онъ,—брось это! Я тебя... ежели я тебя пальцемъ теперь трону... или кто другой—разобью въ куски! Понялъ?

— Ага!—торжествуя вскричалъ Каинъ и даже чмокнулъ языкомъ.—Вотъ! Вы предо мной виноваты... извините! Не разсердитесь на меня за то, что знаете, что виноваты предо мной! Я говорю, не виноваты, но вѣдь я знаю, о! я знаю, вы меньше другихъ виноваты!.. я понимаю это! Всѣ они только на меня плюютъ своей скверной слюной, вы же на меня и на всѣхъ ихъ! Вы

многихъ обижали хуже, чѣмъ меня... Я тогда думалъ— вотъ этотъ сильный человѣкъ бьетъ и оскорбляетъ меня не за то, что я жидъ, а за то, что я—какъ всѣ они, не лучше ихъ и среди нихъ несу свою жизнь... И... я всегда со страхомъ любилъ васъ. Я смотрѣлъ на васъ и думалъ, что и вы можете разорвать пасть льва и избить филистимлянъ... Вы били ихъ... и я любилъ смотрѣть, какъ вы дѣлали это... И мнѣ тоже хотѣлось быть сильнымъ... по я, какъ блоха!..

Артемъ хрипло засмѣялся.

— Вотъ ужъ вѣрно—какъ блоха!..

То, что говорилъ ему Каинъ, онъ почти не понималъ, но ему было пріятно видѣть около себя маленькую фигурку еврея. И подъ возбужденный полушопотъ Каина, въ немъ медленно слагались свои думы:

— Сколько теперь часовъ? Чай, поди-ка, около полудня. А ни одна, небось, не идетъ навѣстить мила друга... А вотъ жидъ пришелъ... помогъ, говоритъ— люблю, а я его обижалъ, бывало... силу хвалить... Вернется ли она? Господи, кабы вернулась!

Тяжело вздыхая, Артемъ представлялъ себѣ своихъ враговъ, избитыхъ имъ и вотъ такъ же опухшихъ, какъ онъ. И они такъ же, какъ онъ, будутъ валяться безъ силъ гдѣ-нибудь... но къ нимъ придутъ свои, товарищи, а не жидъ...

Артемъ взглянулъ на Каина, и ему показалось, что отъ думъ у него въ горлѣ и во рту стало горько. Онъ сплюнулъ и тяжело вздохнулъ.

А Каинъ все говорилъ, страшно возбужденный, съ перекошеннымъ отъ волненія лицомъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— И когда вы заплакали... я тоже заплакалъ... Такъ жалко сдѣлалось мнѣ вашей силы...

— А я думаю, кто это дразнится?—угрюмо усмѣхнулся Артемъ.

— Я всегда любилъ вашу силу... И я молилъ Бога:

Предвѣчный Богъ нашъ на небѣ и на землѣ и въ выси небесъ отдаленныхъ! Пусть будетъ такъ, что я буду нуженъ этому сильному человѣку! Пусть я заслужу предъ нимъ, и да обратится сила его въ защиту мнѣ! Пусть за нее я буду сохраненъ отъ гоненія на меня, и гонители мои да погибнуть отъ силы этой! Такъ я молился... и долго такъ просилъ я Господа моего, пусть Онъ создастъ мнѣ защитника изъ сильнѣйшаго врага моего, какъ Онъ далъ въ защитники Мардохею царя, побѣдившаго всѣ народы... И вотъ вы плакали, и я плакалъ... и вдругъ вы закричали на меня, и молитвы мои пропали...

— Да развѣ я зналъ... чудака ты,—виновато усмѣхнулся Артемъ.

Но Каинъ едва ли слышалъ его слова. Онъ раскачивался, взмахивалъ руками и все шепталъ страстнымъ шопотомъ, въ которомъ звучали и радость, и надежда, и обожаніе силы этого изувѣченнаго человѣка, и страхъ, и тоска.

— Наступилъ мой день, и вотъ я одинъ около васъ... Всѣ бросили васъ, а я пришелъ... Вѣдь вы выздоровѣете, Артемъ? Это не опасно вамъ? И воротится къ вамъ ваша сила?

— Подымусь... не крушись... А тебя за доброту буду беречь, какъ малаго ребенка...

Артемъ чувствовалъ, что понемногу ему становится лучше—тѣло ноетъ меньше и въ головѣ яснѣе. Нужно заступиться за Каина предъ людьми—что въ самомъ дѣлѣ? Вонъ онъ какой добрый и открытый—прямо все говорить, по душѣ. Подумавъ такъ, Артемъ вдругъ улыбнулся—давно уже его томило какое-то неопредѣленное желаніе, и вотъ теперь онъ понялъ его.

— А вѣдь это я ѣсть хочу. Ты бы, Каинъ, добылъ чего поѣсть?

Каинъ вскочилъ на ноги такъ быстро, что едва не ударился о копани бѣляны. Лицо его положительнѣе

преобразилось—что-то сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтски-ясное явилось въ немъ. Артемъ, этотъ сказочный силачъ, просить ѣсть у него, Каинъ!

— Я сдѣлаю вамъ все, все! Оно уже есть, вотъ тутъ, въ углу!.. я припасъ... я знаю. Когда кто боленъ, онъ долженъ ѣсть... ну, да! И я, когда шелъ сюда, то истратилъ цѣлый рубль.

— Сосчитаемся! Я те десять отдамъ... Мнѣ вѣдь это можно... не свои у меня.—Скажу—дай! и дасть...

И онъ добродушно засмѣялся, а Каинъ при этомъ смѣхѣ еще болѣе просіялъ и даже захихикалъ.

— Я знаю... Вы скажите, что вы хотите? Я все сдѣлаю, все!

— А... видишь ты... ужъ коли такъ... то вытри ты меня водкой! ѣсть не давай, а сначала вытри... можешь ты?

— А почему не могу? Какъ лучший докторъ сдѣлаю!

— Вали! Потрешь меня, я и встану...

— Вста-апете? Охъ, цѣтъ, не можете вы встать!

— Я те покажу, какъ я могу! Здѣсь, что ли, я почевать-то буду? Чудило ты... А ты вотъ вытри меня, да и бѣги-ка въ слободу къ пирожницѣ Мокѣвнѣ... И скажи ей, что я къ ней въ сарай переберусь на житье... постлала бы тамъ соломы, что ли. У нея я отлежусь... вотъ! За все про все я тебѣ заплачу... ты не сумлѣвайся!

— Я вѣрю,—говоритъ Каинъ, наливая водки на грудь Артема,—я вѣрю вамъ больше, чѣмъ себѣ... Ахъ, я знаю васъ!

— У-у! Три, три... Ничего, что больно... три, знай! А-а-а!.. Вотъ, вотъ, вотъ...—рычалъ Артемъ.

— Я пойду для васъ и утоплюсь... — объяснялся Каинъ.

— Такъ, такъ, такъ... Плечо-то, плечо валяй... Ахъ, черти! Какъ разутюжили! А все баба виновата. Не будь бабы, былъ бы я трезвъ... а къ трезвому ко мнѣ—супсья-ко!

Каинъ, входя въ роль слуги, объявилъ.

— О, женщины! Это—всѣ грѣхи міра... у насъ, евреевъ, есть даже такая утренняя молитва: Благословенъ Ты, Предвѣчный Боже нашъ, Царь вселенной, за то, что не сотворилъ меня женщиной...

— Ну? Неужто?—воскликнулъ Артемъ. —Такъ-таки прямо и молитесь Богу? Ишь вѣдь вы какіе... Что же она, баба? Она только глупая... а безъ нея нельзя... Но чтобы такъ ужъ, даже Богу молиться... это не тово... обидно вѣдь ей, бабѣ-то! Она тоже чувствуетъ...

Онъ лежалъ неподвижный и огромный — еще болѣе увеличенный опухольями, а Каинъ, маленькій и хрупкій, задыхаясь отъ усилій, возился около него, изо всей силы растирая ему бока, грудь, животъ, возился и кашлялъ отъ запаха водки.

По берегу рѣки то и дѣло проходили люди, слышался говоръ и шаги. Бѣляна лежала подъ песчанымъ обрывомъ, болѣе сажени высотой, и сверху ее было видно только съ самаго края обрыва. Отъ рѣки ее отдѣляла узкая полоса песку, заброшенная щепками и разнымъ мусоромъ. Подъ нею было еще грязно. Но сегодня она возбуждала въ людяхъ большой интересъ. Каинъ и Артемъ замѣтили, что около нея то и дѣло проходить, садятся на ея дно, стучать ногами въ борта... На Каина это дурно подѣйствовало. Онъ пересталъ говорить и, молча ёрзая около Артема, пугливо и жалобно улыбался.

— Вы слушаете?...

— Слышу,—довольно усмѣхнулся силачъ.—Понимаю... хотять сообразить, скоро ли я буду снова въ силѣ... тоже, вѣдь имъ надо это знать... чтобы рѣбра припасти свои... Ха, ха! Черти! Обидно имъ, чай, что не издохъ я... Работишка-то ихъ даромъ пропала...

— А знаете что?—зашепталъ ему на ухо Каинъ, съ миной ужаса и предостереженія на своемъ лицѣ. Знаете? Вотъ я уйду и вы останетесь одинъ... а они тогда придутъ къ вамъ и... и...

Артемъ раскрылъ ротъ и выпустилъ изъ груди цѣлый залпъ хриплаго смѣха.

Ахъ ты... фигура! Такъ ты думаешь — это они тебя, что ли, бояться? Ахъ ты!...

— А! Но я могу быть свидѣтелемъ.

— Они тебѣ дадутъ тукманку!... ха, ха, ха! Вотъ ты и свидѣтельствуй!... на томъ свѣтѣ.

Страхъ Каина былъ разогнанъ смѣхомъ Артема, и мѣсто страха въ узкой, ввалившейся груди еврея заняла твердая и радостная увѣренность. Теперь его, Каинова, жизнь пойдетъ иной чередой, теперь у него есть мощная рука, которая всегда отведетъ отъ него удары и несправедливости людей, безнаказанно истязавшихъ его...

Прошло около мѣсяца времени.

Однажды въ полдень, часъ, когда жизнь на Шиханѣ принимаетъ особенно напряженный характеръ, сгущается и вскипаетъ, когда торговцевъ съѣстнымъ окружаютъ толпы пристанскихъ и судовыхъ рабочихъ съ пустыми желудками и громкими требованіями ѣды и вся улица наполняется теплымъ запахомъ варенаго испорченнаго мяса,—въ этотъ часъ кто-то вполголоса крикнулъ:

— Артемъ идетъ!...

Нѣсколько оборванцевъ, праздно толкавшихся въ улицѣ, ожидая случая чѣмъ-нибудь поживиться, быстро исчезли куда-то. Обыватели Шихана съ тревогой и любопытствомъ искоса и исподлобья стали смотрѣть въ ту сторону, откуда раздавалось предостереженіе.

Артема давно ждали съ глубокимъ интересомъ, горячо обсуждая, каковъ-то онъ появится?

Какъ и раньше, Артемъ шелъ среди улицы, шелъ своей обыкновенной медленной походкой сытаго чело-вѣка, дѣлающаго прогулку. Въ его наружности не было

ничего новаго. Какъ всегда, пиджакъ висѣлъ у него на одномъ плечѣ, картузъ былъ надѣтъ набекрень... Черныя кудри разсыпались по лбу, какъ всегда. Большой палецъ правой руки онъ заткнулъ за поясъ, лѣвая рука была глубоко засунута въ карманъ шароваръ и грудь богатырски выпячивалась впередъ. Только его красивое лицо стало какъ бы осмысленнѣе—это всегда бываетъ послѣ болѣзни. Онъ шелъ и отвѣчалъ на привѣтствія и поклоны лѣнивыми кивками головы.

Вся улица провожала его взглядами и тихимъ шопотомъ изумленія и восхищенія предъ этой несокрушимой силой, выдержавшей такъ легко побой. Много въ улицѣ было людей, говорившихъ объ его выздоровленіи со злобой: они презрительно ругали тѣхъ, что не сумѣли отбить легкія и сломать рѣбра Артему. Вѣдь не можетъ быть такого человѣка, котораго нельзя было бы изувѣчить до-смерти!... А другіе съ удовольствіемъ строили предположенія о томъ, какъ силачъ расправится съ Краснымъ Козломъ и его товарищами. Но сила обаятельна тѣмъ болѣе, чѣмъ крупнѣе она, и большинство находилось подъ вліяніемъ Артемовой силы.

А Артемъ уже вошелъ въ „Грабиловку“ — клубъ Шихана.

Когда его высокая и мощная фигура явилась на порогѣ трактира, въ длинной и низкой комнатѣ съ кирпичнымъ сводчатымъ потолкомъ гостей было немного. При видѣ Артема, среди нихъ раздались дватри восклицанія, родилось какое-то суетливое движеніе и кто-то шархнулъ въ дальній уголъ этого склепа, сырого, прокопченного дымомъ махорки, пропитаннаго грязью и плѣсенью.

Не обращая ни на кого вниманія, Артемъ медленно обвелъ глазами трактиръ и, на ласковое привѣтствіе буфетчика Савки Хлѣбникова, отвѣтилъ вопросомъ:

— Каинъ не былъ?

— Должонъ скоро быть... Его время близко...

Артемъ подошелъ къ столу у одного изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, спросилъ себѣ чаю и, положивъ на столъ свои громадныя руки, равнодушно осмотрѣлъ публику. Въ трактирѣ было человѣкъ десять, все золоторотцы; они сбились въ кучу около двухъ столовъ и оттуда наблюдали за Артемомъ. Когда же глаза ихъ встрѣчались съ глазами красавца, наблюдатели смущенно и заискивающе улыбались, очевидно, желая вступить въ бесѣду съ Артемомъ, но тотъ смотрѣлъ на нихъ тяжело и угрюмо. И всѣ молчали, не рѣшаясь заговорить съ нимъ. Хлѣбниковъ, взявъ за буфетомъ, напѣвалъ что-то подъ носъ себѣ и лисьими глазами поглядывалъ вокругъ.

Съ улицы въ окна лился гулкій шумъ, влетали рѣзкія ругательства, божба, выкрики торговцевъ. Гдѣ-то близко съ дребезгомъ свалились бутылки, разбиваясь о камни мостовой. Артему стало скучно сидѣть въ этомъ душномъ погребѣ...

— Ну, вы, волки,—вдругъ громко и медленно заговорилъ онъ,—вы чего присмирѣли? Пялять зенки и молчать...

— Можемъ и говорить, ваша грозность! — сказалъ Драный Женихъ, вставая и идя къ Артему.

Это былъ тощій человѣкъ въ парусиновой курткѣ и солдатскихъ штанахъ, лысый, остробородый, съ маленькими красными глазами, ехидно прищуренными.

— Хворалъ ты, говорятъ?—спросилъ онъ, усаживаясь противъ Артема.

— Ну?

— Ничего... Не видать было долго... Спросишь — а гдѣ Артемъ? Говорятъ, заболѣть изволилъ...

— Такъ... Ну?

— Еще... ну? Поѣдемъ дальше... Что у тебя болѣло-то?

— А ты не знаешь?

— Развѣ я тебя лѣчилъ?

— Все врешь вѣдь, собака,—усмѣхнулся Артемь.—
И зачѣмъ врешь? Вѣдь знаешь правду?

— Знаю...—сказалъ Женихъ, тоже усмѣхаясь.

— Такъ чего же врешь-то?

— Стало быть, такъ умнѣе...

— Умнѣе. Эхъ ты!... огарокъ!

— Да... вѣдь скажи тебѣ правду-то, такъ ты, пожалуй, и разсердишься...

— Наплевать мнѣ на тебя!

— И на томъ спасибо! А ты съ выздоровленіемъ водкой меня не угостишь?

— Спроси...

Женихъ спросилъ полбутылки водки и оживился.

— Экая у тебя жизнь легкая, Артемь!... Всегда есть деньги...

— Ну, такъ что?

— Ничего... Выручаютъ тебя бабы... проклятыя!

— А на тебя и не смотреть.

— Намъ гдѣ ужъ. У насъ не такія ноги, чтобы ходить по твоей дорогѣ,—вздохнулъ Женихъ.

— Потому баба любить здороваго человѣка. Ты что?

А я—чистый человѣкъ...

Въ такомъ тонѣ Артемь постоянно бесѣдовалъ съ золоторотцами. Его равнодушный, лѣнивый и густой голосъ придавалъ особую силу и тяжесть его словамъ, и всегда они были грубы и обидны. Быть можетъ, онъ чувствовалъ, что эти люди во многомъ хуже его, но во всемъ и всегда умнѣе.

☞ ...Явился Каинъ съ ящичкомъ своихъ товаровъ на груди и съ желтымъ ситцевымъ платьемъ, переброшеннымъ черезъ лѣвую руку. Сдавленный обычнымъ ему чувствомъ страха, онъ сталъ въ дверяхъ, вытянулъ шею и съ безпечной улыбкой оглянулъ внутренность трактира, но, увидавъ Артема, весь просіялъ радостью. Артемь смотрѣлъ на него и широко улыбался, шевеля губами.

— Айда ко мнѣ!—крикнулъ онъ Каину. и обращаясь къ Жениху, насмѣшливо приказалъ ему:

— А ты пошелъ прочь... Дай человѣку мѣсто...

Рыжая, щетинистая рожа Жениха на моментъ одеревянѣла отъ удивленія и досады; онъ медленно поднялся со стула, посмотрѣлъ на товарища, изумленных не менѣе его, на Каина, безшумно и осторожно подходившаго къ столу... и вдругъ озлобленно плюнулъ на полъ.

— Тьфу!

Послѣ чего медленно и молча ушелъ за свой столъ, гдѣ тотчасъ же раздался глухой шопотъ, въ которомъ были ясно слышны ноты насмѣшки и злобы. Каинъ все улыбался растерянно, радостно и въ то же время искося и съ тревогой скашивалъ глаза въ сторону обиженного Жениха и его компаніи.

А Артемъ добродушно говорилъ ему:

— Ну, давай чай пить что ли, купецъ... Пирога надо купить,—будешь пирога ѣсть? Ты чего туда глядишь?.. А ты плюнь на нихъ, не бойся... Ну-ка, вотъ я имъ проповѣдь скажу...

Онъ всталъ, движеніемъ плечъ сбросилъ куртку на полъ и подошелъ къ столу недовольныхъ. Высокій и мощный, выпячивая впередъ грудь, разминая плечи и всячески рисуясь своей силой, онъ стоялъ передъ ними съ усмѣшкой на губахъ, а они, замеревъ въ осторожныхъ позахъ, молчали, готовые бѣжать отъ него.

— Ну...—началъ Артемъ,—что вы урчите?

Ему хотѣлось сказать что-нибудь страшно сильное, но словъ не было у него и онъ остановился...

— Глаголь сразу!—махнулъ рукой Драный Женихъ, скрививъ губы.—А то лучше отстань отъ насъ на всѣ четыре стороны, богова дубина!...

— Молчи!—повелъ бровями Артемъ.—Озлился... зазорно тебѣ, что я съ жидомъ дружбу веду а тебя прогналъ... Я всѣмъ вамъ говорю—онъ лучше васъ,

жидь. то! Потому въ немъ доброта къ человѣку есть... а у васъ нѣту ея... Онъ только замученный... а вотъ теперь я беру его подъ свою руку... и ежели какая-нибудь кикимора изъ вашего брата обидитъ его—держись тогда! Прямо говорю—не бить, а мучить буду...

У него дико вспыхнули глаза, жилы на шеѣ вадлись и ноздри задрожали.

— Что побили меня пьянаго—это мнѣ нипочемъ! Силы мнѣ не убавили, только сердце пуще ожесточили... Такъ и знайте! А за Каина, за всякое обидное слово ему вступлюсь и прямо на-смерть буду увѣчить. Такъ всѣмъ и скажите...

Онъ вздохнулъ во всю грудь, точно тяжесть съ себя сбросилъ, и, повернувшись къ нимъ спиной, пошелъ прочь.

— Здорово пущено!—вполголоса воскликнулъ Драный Женихъ и скорчилъ унылую рожу, глядя, какъ Артемъ усаживается противъ Каина.

Каинъ сидѣлъ за столомъ, блѣдный отъ волненія, и не отводилъ отъ Артема расширенныхъ глазъ, полныхъ чувства, неизъяснимаго словами.

— Слыхалъ?—строго спросилъ его красавецъ. — Вотъ... Такъ и знай, какъ кто задѣнетъ тебя, бѣги ко мнѣ и говори. Я сейчасъ приду и развинчу ему кости...

Еврей бормоталъ что-то,—молился Богу или благодарилъ человѣка. А Драный Женихъ и его компанія, пошептавшись другъ съ другомъ, одинъ за однимъ стали выходить изъ трактира. Женихъ, проходя мимо стола Артема, напѣвалъ себѣ подъ носъ:

— Кабы къ моему уму
Прибавили денегъ тьму,
Ай, хорошъ бы я былъ,—
Безъ просыпу я бы пилъ...

и, взглянувъ въ лицо Артему, неожиданно dokonчили пѣсню своими словами, скорчивъ рожу и въ тактъ при-
топывая ногой:

— Дураковъ бы всѣхъ скупилъ,
Да въ Черномъ морѣ утопилъ.
Вотъ какъ!—

и быстро юркнулъ въ дверь.

Артемъ выругался и оглянулся вокругъ. Въ полутемномъ, закопченномъ и пахучемъ склепѣ осталось только трое людей—онъ, Каинъ противъ него и Савка за буфетомъ.

Лисьи глазки Савки встрѣтились съ тяжелымъ взглядомъ Артема, и длинное лицо его приняло выраженіе сладчайшаго благочестія.

— Превосходно и великолѣпно поступилъ ты, Артемъ Михайлычъ!—говорилъ онъ, поглаживая бороду.—Совсѣмъ по завѣту евангельскому... Какъ въ притчѣ о самарянинѣ милосердномъ... Во гною и стружьяхъ былъ Каинъ-то... А вотъ ты не побрезговаль.

Артемъ слушалъ не его слова, а эхо ихъ. Оно, отражаемое сводчатымъ потолкомъ трактира, плавало въ его пахучемъ воздухѣ и, густое такое, лѣзло въ уши. Артемъ молчалъ и тихонько трясъ головой, точно желая отогнать отъ себя эти звуки. А они все плавали и вклеивались въ его уши, раздражая его. Было душно и скучно. Какая-то странная тяжесть легла на сердце Артема.

Онъ упорно смотрѣлъ на Каина. Обжигаясь и дуя на блюдечко, еврей, наклонивъ голову, пилъ чай и блюдечко тряслось въ его рукахъ. Иногда Артемъ ловилъ на своемъ лицѣ скользкій взглядъ Каина, и силачу отъ этого взгляда становилось еще скучнѣе. Глухое чувство недовольства чѣмъ-то росло въ его груди, глаза все темнѣли и онъ дико осматривался вокругъ себя. Въ головѣ его, какъ жернова, ворочались думы безъ словъ. Раньше онъ не посѣщали его, но вотъ во время болѣзни пришли. И не отходить...

Окна, какъ у тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками, въ нихъ льется съ улицы оглушающій шумъ... Сырые, тяжелыя массы камня висятъ надъ головой, липкія

отъ грязи, покрытый соромъ, кирпичный полъ... И этотъ маленький, оборванный, запуганный человѣкъ... Сидить, дрожить, молчить... А въ деревняхъ скоро косьба начнется. Уже за рѣкой, противъ города, трава въ лугахъ почти по поясъ. И когда оттуда пахнѣтъ вѣтеръ, запахи приносить онъ такіе заманчивые...

— Что же ты молчишь все, Каинъ?—недовольно заговорилъ Артемъ.—Али все еще боишься меня? Эхъ, растерянный ты человѣкъ!..

Каинъ поднялъ голову и странно закачалъ ею, а лицо у него было сконфуженное и жалкое.

— А что мнѣ говорить? И какимъ мнѣ языкомъ говорить съ вами? Этимъ?—еврей высунулъ кончикъ языка, показывая его Артему,—которымъ я со всѣми другими людьми говорю? Развѣ мнѣ не стыдно съ вами этимъ языкомъ говорить? Вы думаете, я не понимаю, что вамъ тоже стыдно сидѣть рядомъ со мной? Что—я и что—вы? Вы, Артемъ, великая душа, вы, какъ Іуда Маккавей!.. что бы вы сдѣлали, если бы знали, зачѣмъ Господь сотворилъ васъ? А! никто не знаетъ великихъ тайнъ Творца и никто не можетъ угадать, зачѣмъ дана ему жизнь. Вы не знаете, сколько дней и почей моей жизни думалъ я, зачѣмъ мнѣ жизнь? Зачѣмъ духъ мой и умъ мой? Что я людямъ? Плевательница для ядовитой слюны ихъ. А что мнѣ люди? Гады, уязвляющіе меня во всѣ мѣста тѣла моего и въ душу мою... Зачѣмъ я живу на землѣ? И зачѣмъ только несчастья знаю я... и въ солнцѣ нѣтъ луча для меня!

Онъ говорилъ эти слова страстнымъ полушопотомъ, и—какъ всегда въ минуты возбужденія его изстрадавшейся души—все лицо его дрожало.

Артемъ не понималъ его рѣчи, но слышалъ и видѣлъ, что то Каинъ жалуется. Отъ этого Артему стало еще тяжелѣе.

— Ну вотъ, опять ты свое!—съ досадой мотнулъ онъ головой.—Вѣдь я же тебѣ сказалъ—заступлюсь!

Каинъ тихо и горько засмѣялся.

— Какъ вы заступитесь за меня предъ лицомъ Бога моего? Это Онъ гонитъ меня...

— Ну это... конечно! Противъ Бога я не могу,—простодушно согласился Артемъ и съ жалостью посовѣтовалъ еврею:—Ты уже терпи!... Противъ Бога—ничего не подѣлаешь.

Каинъ посмотрѣлъ на своего заступника и улыбнулся... тоже съ жалостью. Такъ сначала сильный пожалѣлъ умнаго, потомъ умъ пожалѣлъ силу, и между двумя собесѣдниками пронеслось нѣкоторое вѣяние, немного сблизившее ихъ.

— А ты женатый?—спросилъ Артемъ.

— О, у меня большая семья для моихъ силъ...—тяжело вздохнулъ Каинъ.

— Ишь ты!—сказалъ силачъ. Ему трудно было представить себѣ женщину, которая любила бы Каина, и онъ съ новымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, такого хилаго, маленькаго, грязнаго, робкаго.

— У меня было пять дѣтей, теперь—четыре. Одна дѣвочка, Хая, все кашляла, кашляла и умерла... Боже мой... Господь мой!.. И моя жена тоже больная... все кашляетъ.

— Трудно тебѣ,—сказалъ Артемъ и задумался.

Каинъ тоже задумался, опустилъ голову.

Въ двери трактира входили старьевщики, подходили къ буфету и тамъ о чемъ-то вполголоса бесѣдовали съ Савкой. Опъ таинственно рассказывалъ имъ что-то, подмигивая въ сторону Артема и Каина, а его собесѣдники удивленно и насмѣшливо поглядывали на нихъ. Каинъ уже подмѣтилъ эти взгляды и встрепетнулся. А Артемъ смотрѣлъ за рѣку, въ луга... Свистять тамъ косы и съ мягкимъ шумомъ трава къ ногамъ косарей ложится...

— Уходите вы, Артемъ... а если не хотите, я уйду... Вотъ пришли люди,—шепталъ Каинъ,—и они смѣются надъ вами изъ-за меня...

— Кто смѣется?— очнувшись отъ грезъ, рывкнулъ Артемъ, дико поводя вокругъ себя глазами.

Но всѣ въ трактирѣ были серьезны и поглощены своимъ дѣломъ. Ни одного взгляда не поймалъ Артемъ. И сурово нахмутивъ брови, онъ сказалъ еврею:

— Врешь ты все... занапрасно жалуешься... Этакъ-то, смотри, не игра! Ты жалуйся тогда, когда есть противъ тебя вина. Али ты, можетъ, пытаешь меня, нарочно сказалъ?

Каинъ болѣзненно улыбнулся въ лицо ему и не отвѣчалъ. Нѣсколько минутъ оба они сидѣли молча. Потомъ Каинъ всталъ и, надѣвъ на шею свой ящикъ, приготовился идти. Артемъ протянулъ ему руку:

— Идешь? Ну, иди, торгуй... А я посижу еще тутъ...

Объими своими рученками Каинъ потрясъ громадную лапу своего защитника и быстро ушелъ.

Выходя на улицу, онъ зашелъ за уголъ, остановился тамъ и сталъ выглядывать изъ-за него. Ему была видна дверь трактира и не пришлось долго ждать. Скоро въ этой двери, какъ въ рамѣ, явилась фигура Артема. Брови у него были нахмурены, и лицо такое, какъ будто Артемъ боялся увидѣть что-то непріятное ему. Онъ долго и пристально разсматривалъ людей, толпившихся въ улицѣ, а потомъ его лицо приняло обычное, лѣнливо-равнодушное выраженіе, и онъ пошелъ сквозь толпу, туда, гдѣ улица упиралась въ гору,—очевидно, на свое любимое мѣсто.

Каинъ проводилъ его тоскливымъ взглядомъ и, закрывъ лицо руками, уперся лбомъ въ желѣзную дверь кладовой, около которой онъ стоялъ...

* * *

Вѣская угроза Артема возымѣла свое дѣйствіе—ея испугались и еврея перестали травить.

Каинъ ясно видѣлъ, что въ терніяхъ, сквозь которые онъ шелъ къ своей могилѣ, шиповъ стало меньше.

Люди какъ будто перестали замѣчать его существованіе. Попрежнему онъ юрко шнырялъ между нихъ, возглашая свои товары, но ему уже не наступали на ноги нарочно, какъ это бывало раньше, не толкали его въ сухіе бока, не плевали въ его ящикъ... Хотя прежде не смотрѣли на него такъ холодно и враждебно, какъ стали смотрѣть теперь.

Чуткій ко всему, что его касалось, онъ замѣтилъ и эти новые взгляды, замѣтилъ и спросилъ себя,—что они значать и чѣмъ грозятъ ему? Много онъ думалъ по этому поводу и не могъ понять, почему на него стали такъ смотрѣть... И онъ вспоминалъ, что прежде, хотя и рѣдко, съ нимъ заговаривали дружелюбно... порой справлялись о ходѣ его дѣлъ... а иногда даже шутили и совсѣмъ не зло шутили...

Каинъ задумывался. Вѣдь ужъ это всегда бываетъ такъ, что въ прошломъ человѣкъ склоненъ видѣть даже и маленькое хорошее, раньше не замѣченное имъ...

Онъ задумывался, чутко слушалъ и зорко смотрѣлъ. Однажды его ушей коснулась новая пѣсня, сложенная Дранымъ Женихомъ, трубадуромъ улицы. Этотъ человѣкъ добывалъ свой хлѣбъ музыкой и пѣніемъ; инструментомъ ему служили восемь деревянныхъ столовыхъ ложекъ; онъ бралъ ихъ между пальцевъ и билъ ими себя по надутымъ щекамъ, по животу, перебирая пальцами, ударялъ ложками другъ о друга, и получался порядочный аккомпаниментъ речитативу куплетовъ, которые онъ самъ же слагалъ. Если эта музыка была мало пріятна, такъ зато она требовала отъ исполнителя ловкости фокусника; ловкость же во всѣхъ видахъ цѣнилась публикой улицы.

И вотъ какъ-то разъ Каинъ наткнулся на группу людей, среди которой Женихъ, вооруженный своими ложками, бойко говорилъ:

— Эй, господа честные, арестанты запасные! Играю свѣжую пѣсню, только что испекъ,—горячій кусокъ!

Давай по копейкѣ съ рыла, а у кого рожа—съ того дороже! Начинаю!

— Влѣзетъ солнышко въ окошко—

Люди ему рады.

А вотъ если влѣзу я...

— Это слышали!—скептически воскликнулъ кто-то изъ публики.

— Знаемъ, что слышали! Да я тебѣ пирога прежде хлѣба даромъ-то не дамъ... объявилъ Женихъ, стучая пожками и продолжая напѣвать:

Ой, горько мнѣ живется!

Плохо я удался.

Тяжку съ братомъ повѣсили.

А я оборвался!..

— Жаль!—заявила публика.

Но копейки Жениху сыпали, ибо знали, что это добросовѣстный человѣкъ, и если онъ общалъ новую пѣсню, такъ ужъ дать ее.

— Вотъ она новая, дубина еловая!

И ложки затрещали частой задорной дробью.

По-ознакомился быкъ съ паукомъ,

Познакомился жидъ съ дуракомъ,

На хвостъ носить быкъ паука,

Продаетъ бабамъ жидъ дурака,

Эй вы, тѣтки...

— Стопъ машина! Господину Каину почтеніе, коломъ по шеѣ! Изволили слушать пѣсню, купецъ? Не для васъ сложена... проходите вашимъ путемъ!

Каинъ разсыпалъ передъ артистомъ свои улыбки и ушелъ прочь отъ него, вздыхая и предчувствуя что-то.

Цѣнили онъ эти дни и боялся за нихъ. Каждое утро онъ являлся въ улицу, твердо увѣренный, что сегодня у него никто не посмѣетъ отнять его копеекъ. И глаза его стали немножко свѣтлѣе и покойнѣе. Артема онъ видѣлъ каждый день, но если силачъ не авалъ его, Каинъ не подходилъ къ нему.

Артемъ же рѣдко подзывалъ его, а подзвавъ, спрашивалъ:

— Ну что—живешь?

— О да! Живу... и благодарю васъ,—радостно блестя глазами, говорилъ Каинъ.

— Не трогаютъ?

— Развѣ они могутъ противъ васъ,—со страхомъ восклицалъ еврей.

— Ну... то-то!.. А коли что—скажи.

— Я скажу!

— Вотъ...

Онъ угрюмыми глазами измѣрялъ фигурку еврея и отпускалъ его.

— Иди... торгуй!

И Каинъ быстро отходилъ прочь отъ своего защитника, всегда ловя на себѣ насмѣшливые и злые взгляды публики, взгляды, пугавшіе его.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ.

И вотъ однажды подъ вечеръ, когда Каинъ уже хотѣлъ идти домой, онъ встрѣтилъ Артема. Красавецъ, кивнувъ ему головой, поманилъ его къ себѣ пальцемъ. Каинъ быстро подбѣжалъ къ нему и увидалъ, что Артемъ мраченъ и хмуръ, какъ осенняя туча.

— Кончилъ торговать-то?—спросилъ онъ.

— Уже... хотѣлъ уходить домой...

— погоди... пойдемъ-ка, поговорю я тебѣ что-то...—глухо сказалъ Артемъ.

И двинулся впередъ, громадный и тяжелый, а Каинъ пошелъ сзади него.

Они вышли изъ улицы и повернули къ рѣкѣ, гдѣ Артемъ нашелъ укромное мѣсто подъ обрывомъ у самыхъ волнъ.

— Садись,—сказалъ онъ Каину.

Тотъ сѣлъ, искоса и боязливо поглядывая на своего защитника. Артемъ согнулъ спину и сталъ медленно крутить папиросу, а Каинъ смотрѣлъ на небо, на лѣсъ

мачть у берега, по ту сторону рѣки, на спокойныя, застывшія въ тишинѣ вечера волны и соображалъ, о чемъ будетъ говорить силачъ.

— Ну что,—спросилъ Артемъ,—живешь?

— Живу, о! я теперь не боюсь...

— Ну и хорошо.

— Благодарю...

— погоди!—сказалъ Артемъ.

И онъ долго и тяжело молчалъ, попыхивая папиросой, тогда какъ еврей ждалъ его рѣчи, полный смутныхъ и боязливыхъ предчувствій.

— Н-да... Такъ теперь ничего, не обижаютъ?

— О, они боятся васъ! Они всѣ, какъ собаки, а вы—какъ левъ!—И я теперь...

— погоди!

— Н-ну? И что вы хотите мнѣ сказать?—съ трепетомъ спросилъ Каинъ.

— Сказать-то? Это не просто...

— Что же оно такое?

— А!.. видишь ты... будемъ мы говорить прямо. Сразу и—все!

— Ага?

— И я тебѣ долженъ сказать, что больше я—не могу...

— Что? Что не можете?..

— Ничего! не могу! Противно мнѣ... Не идетъ мнѣ это... Не мое это дѣло...—вздохнувъ сказалъ Артемъ.

— Что же? Не ваше дѣло—что?

— Все это... ты и все... Не хочу я больше тебя знать... потому—не мое это дѣло.

Каинъ съѣжился, точно его ударили, и молчалъ.

— И ежели тебя обидятъ, ты ко мнѣ не иди и не жалуйся мнѣ... я не могу тебѣ помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? Нельзя мнѣ это...

Каинъ молчалъ, какъ мертвый.

А Артемъ, выговоривъ свои слова, свободно вздохнулъ и продолжалъ яснѣе и болѣе связано:

— За то, что ты меня тогда пожалѣлъ, я могу тебѣ заплатить. Сколько надо? Скажи—и получи. А жалѣть тебя я не могу... Нѣтъ во мнѣ этого... и все я только ломалъ себя... притворялся больше. Думалъ — жалѣю, анъ выходитъ—такъ это одинъ обманъ. Совсѣмъ я не могу жалѣть.

— Потому что я—жидъ?—тихо спросилъ Каинъ.

Артемъ сбоку посмотрѣлъ на него и просто сказалъ одно изъ тѣхъ словъ, которые родятся въ сердцѣ:

— Что—жидъ? Мы всѣ—жиды передъ Господомъ...

— Такъ почему?—тихо спросилъ Каинъ.

— Да не могу! Понимаешь, нѣтъ у меня жалости къ тебѣ... и ни къ кому нѣтъ... Ты это тоже пойми... другому бы я и не сказалъ этого, а просто бы р-разъ ему по башкѣ! А тебѣ говорю...

— Кто возстанетъ за меня противъ злобствующихъ? Кто постоитъ за меня противъ лиходѣевъ?—тихо и грустно спросилъ еврей словами псалма.

— Я—не могу...—отрицательно мотнулъ головой Артемъ.—Не потому я это, что смѣются... мнѣ пѣсь съ ними, смѣйся! Не жаль мнѣ тебя... А за то—я лучше заплачу деньги...

— О, мстящій Боже! Предвѣчный Богъ возмездій, возсіяй, вознесись, Судья земли...—молился Каинъ, съѣжившись въ маленькій комокъ.

Лѣтній вечеръ былъ тихъ и тепелъ. Грустно и ласково отражала вода рѣки лучи заката. Съ обрыва на Каина и Артема упала тѣнь.

— Ты подумай,—убѣдительно и грустно говорилъ Артемъ,—какая моя задача теперь? Ты вотъ этого не понимаешь... а я—я долженъ за себя стать... они меня какъ избили? Помнишь?

Онъ скрипнулъ зубами и завозился на пескѣ, а потомъ легъ на спину, протянувъ ноги къ водѣ и закинувъ руки за голову.

— Я теперь всѣхъ ихъ знаю...

— Всѣхъ?—спросилъ Каинъ убито.

— Всѣхъ! Теперь я начну съ ними разсчитать... И ты мнѣ мѣшаешь...

— Чѣмъ я могу мѣшать?—воскликнулъ еврей.

— Не то, чтобы мѣшать, а... такое дѣло—озлобился я противъ всѣхъ людей. Хуже я ихъ? Вотъ оно что... Ну и, стало быть, ты мнѣ теперь—лишний. Понялъ?

— Нѣтъ!—кратко объявилъ еврей и тряхнулъ головой.

— Не понимаешь? Экой ты какой! Тебя жалѣть чадю—такъ? Ну, а я теперь не могу жалѣть никого... Чѣтъ у меня жалости-то...

И, толкнувъ въ бокъ еврея, онъ добавилъ:

— Совсѣмъ нѣтъ. Понялъ?

Наступило долгое молчаніе. Вокругъ собесѣдниковъ, въ тепломъ и пахучемъ воздухѣ, плавали всплески волнъ и какіе-то глухіе, охающіе звуки, приносившіеся издалека, съ рѣки, сонной и темной.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—спросилъ, наконецъ, Каинъ, но отвѣта не дождался, потому что Артемъ задремалъ, или задумался о чемъ-то.—Какъ я буду жить безъ васъ?—громче сказалъ еврей.

Артемъ, глядя на небо, отвѣтилъ ему:

— А ужъ ты это самъ подумай...

— Боже мой, Боже мой!..

— Вѣдь это тоже не скажешь сразу—какъ жить,—лѣниво говорилъ Артемъ.

Сказавъ то, что хотѣлъ, онъ какъ-то сразу сталъ ясенъ и спокоенъ.

— А вѣдь я зналъ это... еще тогда, когда шелъ къ вамъ, избитому, то ужъ зналъ... что не можете вы заступаться за меня долго...

И еврей умоляющими глазами посмотрѣлъ на Артема, не встрѣтилъ его глазъ.

— Вы, можетъ быть, потому, что смѣются они надъ вами за меня?—спросилъ Каинъ осторожно и чуть не шопотомъ.

— Они-то? А что мнѣ они?—открывъ глаза, усмѣхнулся Артемъ.—Ежели бы я захотѣлъ, то посадилъ-бы тебя на плечи, да и носилъ по улицѣ. Пускай смѣются... А только ни къ чему это... Надо все дѣлать по правдѣ... по душѣ... Чего въ ней нѣтъ—такъ ужъ нѣтъ... И мнѣ, братъ, прямо скажу,—противно, что ты такой... да! Вотъ какъ выходить.

— Ахъ!.. вѣрно. Ну и что я теперь?! уходить?

— Иди, пока свѣтло... не тронуть еще пока. Вѣдь нашего разговора никто не знаетъ...

— Да-а. И вы не говорите никому, а?—попросилъ Каинъ.

— Ну... извѣстно. А ты все-таки не лѣзь мнѣ на глаза часто...

— Хорошо,—тихо и грустно согласился еврей и всталъ на ноги.

— Тебѣ бы лучше въ другомъ мѣстѣ гдѣ торговать,—равнодушно сказалъ Артемъ.—А то тутъ—строго жизнь держать... Все напрямки норовять...

— Куда же я пойду?

— Ну ужъ... какъ инъ знаешь.

— Прощайте, Артемъ.

— Прощай, братъ!

И онъ лежа протянулъ еврею руку и стиснулъ своими пальцами его сухія кости.

— Прощай. Не обижайся...

— Я не обижаюсь,—подавленно вздохнулъ еврей.

— Ну вотъ... Вѣдь этакъ-то лучше, самъ посуди... Больно ты... не для меня товарищъ... Развѣ мнѣ для тебя жить? Не идетъ это...

— Прощайте!

— Ну иди...

Каинъ пошелъ берегомъ рѣки, опустивъ голову на грудь и сильно сгорбившись.

Красавецъ Артемъ повернулъ голову вслѣдъ ему и черезъ нѣсколько секундъ снова улегся въ прежней

повѣ, лицомъ къ небу, уже темному отъ близости ночи...

Въ воздухѣ рождались и таяли странные звуки. Рѣка плескалась о берегъ однообразно, печально и то-скливо.

А Кайнъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, вернулся снова, подошелъ къ могучей фигурѣ Артема, распростертой на землѣ, и, остановясь передъ ней, тихо и почтительно спросилъ:

— А можетъ, вы иначе подумаете?

Артемъ молчалъ.

— Артемъ?—позвалъ Кайнъ и долго ждалъ отвѣта.— Артемъ? Можетъ, все это такъ себѣ вы?—повторилъ еврей дрожащимъ голосомъ.—Вспомните, какъ я тогда васъ... а? Артемъ!? Никто не пришелъ, а я пришелъ...

Въ отвѣтъ ему раздался слабый храпъ.

...Кайнъ еще долго стоялъ надъ силачомъ и все всматривался въ его безжизненно-красивое лицо, смягченное сномъ. Богатырская грудь вздымалась ровно и высоко, и черные усы, шевелясь отъ дыханія, открывали блестящіе, крѣпкіе зубы красавца. Казалось, онъ улыбался...

Глубоко вздохнувъ, еврей еще ниже склонилъ голову и снова пошелъ къ берегу рѣки. Весь трепещущій отъ страха предъ жизнью, онъ шелъ осторожно—въ открытыхъ пространствахъ, освѣщенныхъ луной, онъ умѣрялъ шагъ, вступая въ тѣнь—крался медленно...

И былъ похожъ на мышенка, на маленькаго трусливаго хищника, который пробирается въ свою нору среди многихъ опасностей, отовсюду грозящихъ ему.

А ужъ ночь наступила, и на берегу рѣки было пусто...

	Цѣна:
33. М.	в. . . 5 к.
34. М.	. . . 8 "
35. М.	. . . —
41. Сб	. . . 5 "
42. Сб	. . . 6 "
43. Сб	. . . 12 "
44. Сб	. . . 5 "
45. Сб	. . . 12 "
46. Сб	. . . 3 "
47. Сб	. . . 5 "
51. Л.	. . . 2 "
52. Л.	. . . 3 "
53. Л.	. . . 3 "
54. Л. Андреевъ. Вала.	. . . 3 "
55. Л. Андреевъ. На рѣкѣ.	. . . 4 "
56. Л. Андреевъ. Въ подвалѣ.	. . . 3 "
57. Л. Андреевъ. Петька изъ дачѣ.	. . . 3 "
58. Л. Андреевъ. У окна.	. . . 5 "
59. Л. Андреевъ. Жили-были.	. . . 5 "
60. Л. Андреевъ. Въ темную даль.	. . . 4 "
61. С. Гусевъ-Оренбургскій. Оиётъ.	. . . 3 "
62. С. Гусевъ-Оренбургскій. Конокрадъ.	. . . 2 "
63. С. Гусевъ-Оренбургскій. Миша.	. . . 2 "
64. С. Гусевъ-Оренбургскій. Последний часъ.	. . . 6 "
65. С. Гусевъ-Оренбургскій. На родину.	. . . 4 "
66. С. Гусевъ-Оренбургскій. Сквозь преграды.	. . . 2 "
67. С. Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка.	. . . 3 "
68. С. Гусевъ-Оренбургскій. Вѣдный приходъ.	. . . 2 "
69. С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ.	. . . 4 "
70. С. Гусевъ-Оренбургскій. Жалоба.	. . . 5 "

	Цена
71. А. Серафимовичъ. Въ камышахъ.	3 „
72. А. Серафимовичъ. Местъ.	4 „
73. А. Серафимовичъ. На льдинѣ.	4 „
74. А. Серафимовичъ. Степные люди.	5 „
75. А. Серафимовичъ. Ночью.	3 „
76. А. Серафимовичъ. Сибиряки.	3 „
77. А. Серафимовичъ. На заводѣ.	5 „
78. А. Серафимовичъ. Подъ землей.	6 „
79. А. Серафимовичъ. Подъ уклономъ.	3 „
81. А. Купринъ. Дознаніе.	3 „
82. Н. Телешовъ. Пѣснь о трехъ юношахъ	8 „
83. Н. Телешовъ. Противъ обычая.	3 „
84. Н. Телешовъ. Домой.	3 „
85. Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль.	3 „
86. С. Елпатьевскій. Спирька.	8 „
87. С. Елпатьевскій. Пожалѣй меня.	2 „
88. С. Елпатьевскій. Присяжнымъ заседателямъ.	3 „
89. Ив. Бунинъ. Стихотворенія.	4 „
90. К. Бальмонтъ. Стихотворенія.	3 „
91. С. Юшкевичъ. Невинные.	4 „
92. С. Юшкевичъ. Убийца.	3 „
93. С. Юшкевичъ. Кабатчикъ Гейманъ.	7 „
94. С. Юшкевичъ. Ита Гайне.	—
95. С. Юшкевичъ. Человѣкъ.	—
96. С. Юшкевичъ. Евреи.	—
98. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга I.	—
99. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга II.	—
100. Е. Чириковъ. Евреи.	12 „

и другія книги.

XX